

ВИТАЛИЙ ПРОТОВ

ЛЮБОВНЫЕ
ПОХОЖДЕНИЯ БАРОНА
ФОН МЮНХГАУЗЕНА В
РОССИИ И ЕЕ
ОКРЕСТНОСТЯХ,
ОПИСАННЫЕ ИМ
САМИМ

Виталий Протов

**Любовные похождения
барона фон Мюнхгаузена в
России и ее окрестностях,
описанные им самим**

«Самухина Н.А.»

2011

Протов В.

Любовные похождения барона фон Мюнхгаузена в России и ее окрестностях, описанные им самим / В. Протов — «Самухина Н.А.», 2011

Барон Мюнхгаузен, чье имя стало синонимом неумного вранья, предстает перед нами в ином свете на страницах этой книги. Иероним Карл Фридрих барон фон Мюнхгаузен (1720–1797) – личность историческая. Прожив без малого двадцать лет в России и оставив весьма заметный след в ее истории, он вернулся на родину в Боденвердер (Нижняя Саксония), где вел по большей части жизнь праздную, рассказывая соседям и посетителям трактира при гостинице «Король Пруссии» в Геттингене истории о своих похождениях и приключениях в России. Его рассказы имели столь широкий резонанс, что часть из них была даже опубликована, правда, без указания имени автора, вызвав впоследствии появление череды мюнхгаузиад. Еще при жизни барона три автора – Рудольф Распе, Готфрид Август Бюргер и Генрих Шнорр – выпустили свои книги, взяв за основу некоторые из подлинных сюжетов барона, но настолько переврали и их, и сам образ автора, что разгневанный Мюнхгаузен провел в тяжбах с ними долгие годы. Предлагаемые читателю мемуары барона фон Мюнхгаузена призваны обелить его честное имя и восстановить справедливость перед судом потомков. Книга проиллюстрирована графическими рисунками петербургской художницы Надежды Васильевой.

Содержание

Судьбоносное письмо	9
На границе	13
Пожар	16
Философ во власти	20
Украденный город	23
Восстановление справедливости	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

**Любовные похождения барона
фон Мюнхгаузена в России и ее
окрестностях, описанные им самим**
Пересказ Виталия Протова
Иллюстрации Надежды Васильевой

Сразу хочу заявить, что все слухи о моем пребывании на Корсике под Рождество 1768 года, где я якобы познакомился с некой Летицией Рамолино, ставшей в августе 1769 года матерью и породившей на свет Наполеона Бонапарта, который ныне известная фигура во Франции, являются злостным вымыслом.

Из записок барона фон Мюнхгаузена от 20 марта 1796 года

**Hieronymus Carl Friedrich
Freiherr von Münchhausen**

(1720–1797)

Пародийный портрет барона Мюнхгаузена работы Гюстава Доре к книге Рудольфа Распе «Приключения барона Мюнхгаузена»

В оформлении обложки использован портрет Иеронима Карла Фридриха барона фон Мюнхгаузена работы художника Г. Брукнера (1752)

Оригинал портрета утрачен во время Второй мировой войны

Годы моей жизни подходят к концу, и это одна из причин, которая побуждает меня взяться за перо – вместе со мной не должна уйти в могилу великая тайна, которую я много лет храню в своем сердце. Но даже и теперь, усаживаясь за эти мемуары, я испытываю сомнения: вправе ли я предать сию тайну бумаге, хотя мои записки и будут лежать под спудом, оставаясь до поры до времени недоступными для общества. Я должен быть крайне осмотрителен, потому что откровения, готовые излиться с кончика моего пера, не то что сегодня, но и через сто лет способны вызвать мировые потрясения, о последствиях которых я даже боюсь помыслить.

Но я не обману твоих ожиданий, мой терпеливый читатель, как не обманывал никогда моих слушателей. Настанет час – и эти записки, которые я захороню для будущих поколений,

увидят свет, правда восторжествует и многие непонятные вещи станут ясны как божий день. Все откроется, каждому будет воздано по заслугам, и барон фон Мюнхгаузен наконец займет подобающее ему место в истории.

Но не будем забегать вперед. Пока что я сижу в нерешительности над чистым листом бумаги, страюсь доверить ему те тайны, что жгут мою память. Терпение, терпение, терпение...

Помимо названных выше обстоятельств меня побуждает взяться за перо и необходимость окоротить неких господ, всевозможных писак, всяких безродных Рудольфов Распе и Готфридов Бюргеров, тяжбами с которыми отравлены долгие годы моей жизни. Они тоже получают по делам своим. Мои мемуары станут им достойным ответом (хотя я и не доживу до торжества справедливости, не увижу собственными глазами, как лжецы прилюдно будут названы лжецами, а герои и праведники будут возведены на подобающее им место в истории), и со временем они будут так же осмеяны перед потомством, как ныне осмелились осмеять меня. А потому я желаю им долгих лет, чтобы они дожили до выхода в свет этих правдивых записок¹.

Иероним Карл Фридрих
барон фон Мюнхгаузен,
20 января 1796 г.

¹ От издательства: Рудольф Распе умер в 1794 году, в один год с Готфридом Бюргером, о чем барон, видимо, не знал, когда приступал к написанию мемуаров.

Судьбоносное письмо

Сегодня 20 апреля 1796 года. Я сижу в кабинете своего родового замка в Боденвердере, что в Нижней Саксонии, передо мною чистый лист бумаги, и я размышляю: с чего мне начать мои мемуары. С детских лет? Со смерти моего батюшки, которая случилась, когда мне было четыре года отроду? Нет, не буду уделять слишком много места моей скромной персоне, а начну с того судьбоносного события, которое положило начало моей умопомрачительной карьере. Как это нередко бывает, толчком к великому стало происшествие малозаметное. Это было даже не происшествие, а письмо, которое я прочел ноябрьским утром 1737 года в замке Вольфенбюттеля, где Его милость герцог Карл любезно показал мне сие послание, сыгравшую столь важную роль не только в моей жизни, но, без малейшего преувеличения, и в судьбах мира. (Ах, барон, не торопи события, всему свое время, а настанет ли время рассказать о том, что жжет твоё сердце, пока еще не дано знать ни тебе и никому другому. Молчание золото, как говорится в русской пословице. Поэтому я пока замкну уста во всем, что касается деликатной части моей истории.) Впрочем, с годами я проникся уверенностью, что само Провидение водило рукой несчастного, писавшего это послание.

Итак, письмо, которое мне позволил прочесть Его милость:

Любезный мой брат Карл,

все никак не могу привыкнуть к тому, что после смерти нашего батюшки должен называть тебя, ныне владетельного герцога Брауншвейга-Вольфенбюттеля-Беверна, «Ваша милость». Надеюсь, ты простишь мне эту вольность – мы ведь почти двадцать лет с младенчества прожили душа в душу и бок о бок.

Спешу передать тебе привет из далекой (от тебя, но не от меня) России, где я пребываю вот уже четыре года (ах, как быстро летит время!). Ты прекрасно осведомлен о матримониальной подоплеке моего приезда сюда, но пока суд да дело, я веду жизнь вояки, которая вовсе мне не по нутру. Однако ради будущих благ можно и потерпеть.

Средь издержек, которые мне приходится выносить, военные тяготы – представь меня в шатре главнокомандующего, в окружении послушных офицеров, и ты поймешь, что иногда я, с моим характером сибарита, сжимаю зубы и в нетерпении жду беззаботного будущего, когда полки будут ходить в атаку мановением моего пальца, но мне для сего не придется выходить за двери моего не по-брауншвейгски роскошного дворца. А дворцы в России действительно отличаются роскошью, не свойственной нашим родовым замкам. Их богатство и расточительность не чета нашей скудности и экономности.

Среди совсем уж смешных неудобств, которые выпали на мою долю, представь себе, – увы, увы! – утрата двух пажей, которых я привез с собой. Они были ловкие и услужливые ребята, но один из них пал под Очаковым, сраженный шальной турецкой пулей, а другой, бедняга, обѣлся какой-то местной пищей – тут в ходу такие неудобоваримые деликатесы, как «соленые грибочки», – и скончался желудочной коликой. Как ты прекрасно можешь себе представить, брат в пажи кого-либо из местных недорослей я не желаю – они все как на подбор или ленивы, или глупы без меры. А потому прошу тебя, любезный брат (ах, простите, я должен сказать «Ваша милость») подыскать мне двух пажей и отправить как можно скорее, хоть

на следующий день по получении моего послания, в Санкт-Петербург. Подбери кого-нибудь из баронских сыночков – они еще не утратили рыцарский дух, представлений о чести и вассальном долге.

Рассчитываю на твою помощь.

Твой любящий брат Антон Ульрих.

Если мой любезный читатель не осведомлен о «матримониальной подоплеке» и о «надежде на будущие блага», упомянутые в письме, то позволю себе ввести его в курс событий, в водоворот которых оказался вовлечен и я. Водоворот этот в скором времени должен был снести несчастного герцога Антона Ульриха с вершин власти в самое жалкое и низменное положение. Бедный герцог стал игрушкой в руках судьбы, той самой судьбы, которая вела меня, и той, которая ждала Российскую империю.

Императрица российская Анна Иоанновна, племянница Петра Первого, не имея собственных детей, была крайне озабочена вопросом престолонаследия (в то время мне это, конечно, не было известно – я пишу о тех событиях и обстоятельствах с высоты моих сегодняшних знаний и опыта), а потому затребовала к себе Анну, дочь своей родной сестры Екатерины Иоанновны, имевшей дочь от Карла Леопольда, герцога Мекленбург-Шверинского, приходившуюся ей, естественно, племянницей. Брак Екатерины и Карла, как говорят, был несчастлив, а потому Екатерина вместе с четырехлетней дочерью вернулась в Россию в 1722 году, где одно время даже рассматривалась как возможная претендентка на российский престол.

Однако судьба сложилась иначе, и на престоле оказалась ее младшая сестра, бездетная Анна Иоанновна, которая и назначила со временем своей престолонаследницей племянницу – в православии принявшую имя Анна, а от рождения звавшуюся Елизавета Катерина Кристина.

Герцог Антон Ульрих был еще в 1733 году вытребован императрицей в Россию как предполагающийся супруг наследницы, в каковом качестве он и пребывал, исполняя некоторые государственные функции, о которых читатель уже осведомлен, прочтя предпосланное сей исторической справке письмо.

Да простит меня читатель за это историческое отступление, но боюсь, что без него было бы непонятно дальнейшее мое повествование, в котором, дай бог, не останется неясностей, ежели будет мне суждено довести его до конца и судьба не распорядится иначе.

Итак, герцог Брауншвейга-Вольфенбюттеля-Беверна Карл направил меня в далекую Россию к своему брату, которого тогда ждало блистательное будущее, а потому я с радостью ухватился за протянутый мне самой судьбой перст и в тот же день собрался в дорогу, не дожидаясь напарника – второго пажа, о котором писал герцог из России.

Я, однако, не стал спешить, решив по пути познакомиться с германскими землями, а случится – и с их владетельными хозяевами. Мы, Мюнхгаузен, – род знатный, многие сочтут за честь сидеть с нами за одним столом, но, конечно, на короткое знакомство с королем, скажем, Пруссии рассчитывать мне не приходилось. А потому в Берлине я не задержался – лишь заночевал на постоялом дворе, а на следующее утро тронулся дальше.

Путь мой лежал через Штеттин и Западную Пруссию в Кенигсберг, а там, как мне уже было известно, открывались необъятные просторы Российской империи. Я хоть и торопился в эту неизвестную и соблазнительную страну, но душа моя при виде старинных германских городков и замков тянулась к ним. Я знакомился с хозяевами, набирался впечатлений. Иногда сердил. Иногда смеялся.

Некая маленькая немецкая принцесса лет восьми при виде меня топнула ножкой и сказала своей матушке:

– И не такой уж он красавец, этот ваш барон!

Мы с ее матушкой рассмеялись.

– Беги в сад, озорница, – сказала ей матушка. – Видали вы ее – от горшка два вершка, а уже о женихах думает.

В другом замке юная герцогиня строила мне глазки и, видимо, не разделяла бы мнения маленькой принцессы насчет моей внешности.

В третьем я даже задержался на лишний день, потому что дочь хозяина, статная красавица, так румянилась, кидая на меня томные взоры, что я чуть было не наделал глупостей, которые имели бы для меня, для нее и для всего мира непоправимые последствия... Мне с лихвой хватило подобных глупостей в дальнейшей жизни.

Дорога или судьба вели меня – не знаю, но путь мой был предопределен, как и та миссия, о которой в то время не догадывались ни я, ни герцог Карл, ни Его милость герцог Антон Ульрих... Но здесь я должен замкнуть уста, потому что долг мой в том, чтобы хранить молчание и тайну, о которой некому сообщить миру, кроме меня. Впрочем, та же злодейка-судьба заставляет меня, с одной стороны, жаждать этого шанса разомкнуть уста и поведать о некоторых обстоятельствах моей жизни, но, с другой стороны, я понимаю, каким образом может быть дана мне эта свобода и не хочу приобретать ее столь дорогой ценой.

Не буду более останавливаться на моем пути до границы Российской империи. Скажу лишь, что был он много короче, чем тот путь, что проделал я от границы до Петербурга, где ждал меня Его милость.

На границе

О том, что я оказался на границе, догадаться было нетрудно по открывшимся моим глазам бескрайним просторам, покрытым снежной пеленой, и по черно-белому шлагбауму с будкой, у которой стоял навывтяжку часовой с усами такой длины, что они стелились по его шинели, доходя до коленей.

Часовой спал, но, когда я попытался стряхнуть снег с его усов, открыл глаза и, сурово уставясь на меня, спросил:

– Чего изволите?

– Дела неотложные требуют моего скорейшего прибытия в Петербург, – проговорил я. – Позвольте пересечь границу.

– Никак нельзя, – ответил солдат. – Доложу по начальству.

Он подошел к незамеченной мною поначалу пушке, присыпанной снежком, забил заряд в жерло, запалил фитиль и с криком «Пли!» поджег порох. Пушка выстрелила со страшным грохотом, конь мой встал на дыбы и дико заржал. Солдат приложил руку к виску.

– Таперича надо ждать, – сказал он.

Ждать пришлось довольно долго – солнце успело взойти и зайти три раза.

Солдат продолжал стоять, не шелохнувшись, охраняя границу, а я, чтобы не замерзнуть, ходил кругами у будки.

– Нельзя ли пальнуть еще раз? – спросил я, немного утомившись ожиданием, на что солдат ответил:

– Никак нельзя. Пока нового ядра не привезут – чем пальнешь?

К концу четвертого дня – надо сказать, что солдат все это время стоял недвижимо, и лишь ледяные усы росли у него с каждым днем – появился поезд из десяти саней и двух карет. С саней пососкакивали солдаты, распахнули дверцы остановившихся карет – из одной и из другой вышло по офицеру в аксельбантах поверх меховых шуб.

Имен их я не запомнил, но один представился начальником пограничной охраны, а другой – из охраны таможенной. Я сразу же назвал себя и сказал, что следую по срочнейшему, не требующему ни малейших отлагательств делу в Санкт-Петербург.

Офицеры оживились и заверили, что быстрехонько меня пропустят, только выполнят соответствующие формальности, вытекающие из их положения. Я с облегчением вздохнул, а солдаты принесли с саней две скамьи и два стола, за которые уселись их начальники.

Все и в самом деле было завершено быстро. Первым меня поздравил офицер пограничной охраны и предъявил мне бумагу, прочитав которую я узнал, что пересекаю границу в сопровождении оруженосцев и челяди в количестве пятидесяти душ, за что с меня подлежит уплате в казну две тысячи золотых рублей, а ежели таковых у меня не имеется, то казна готова принять талеры или гульдены или любую другую валюту, имеющую хождение в неметчине.

У меня от такой наглости перехватило дыхание, но не успел я даже выдохнуть, как увидел, что число челяди и оруженосцев в бумаге увеличилось до семидесяти душ, а подлежащая уплате пошлина возросла на пятьсот рублей.

Я сказал, что буду жаловаться императрице, но голубые глаза офицера, даже не моргнув, смотрели на меня прежним неумолимым, холодным взглядом. Тогда я сказал, что не имею таких средств, на что офицер ответил, что казна может удовлетвориться и меньшей суммой при обоюдном добровольном согласии.

Скрепя сердце я достал из кошелька десять золотых талеров и положил на стол. Офицер попробовал одну монету на зуб и удовлетворенно заключил, что пограничная охрана не усматривает никаких препятствий для моего въезда в пределы Российской империи.

Такая же сцена повторилась и у другого стола, с той лишь разницей, что в переданной мне бумаге значилось, будто я следую в Россию с десятью возами товара. Казна и на сей раз удовлетворилась десятью золотыми талерами.

Так я стал беднее на двадцать золотых монет, но зато был пропущен через границу, чем не преминул воспользоваться, тут же поскакав во весь опор.

Пожар

На ночлег я остановился в ближайшем городке, до которого скакал без передышки пять дней, еще раз убедивших меня, что российские просторы бескрайни, как сами небеса.

Я остановился на ночлег в постоялом дворе напротив дома городской управы, в котором по поводу дня тезоименитства супруги почтенного градоначальника давался бал. Был приглашен и я в качестве почетного заезжего гостя. К сожалению, а может, и к счастью, я валился с ног от усталости после долгой скачки, а потому отказался от столь любезного приглашения.

Нужно сказать, что номер мне был выделен на втором этаже, и из моего окна открывался вид прямо на дом, в котором давался бал, – это трехэтажное каменное сооружение поражало своей основательностью и витиеватостью декора, украшавшего его. В окнах мелькали тени собравшихся. Я было пожалел о том, что отклонил приглашение, но усталость тут же смежила мне веки, и я уснул крепким сном.

Не знаю, сколько я проспал – час ли, два, но только по прошествии некоторого времени я был разбужен громкими криками. Вскочив с постели и выглянув в окно, я увидел, что соседний дом охвачен огнем. Из окон первого этажа рвалось пламя, а на плоской крыше собрались несчастные гости, которых ждала неминуемая смерть либо в огне, либо при падении, так как сооружение сие имело высоту столь внушительную, что прыжок с крыши грозил такой же верной гибелью, как и языки разбушевавшегося пламени.

Дамы на крыше громко визжали и простирали руки. Мужчины крепко ругались, забывая о присутствии нежных дамских ушек. Что было делать? Я, несмотря на молодость, уже славился умением принимать мгновенные и правильные решения. Наитие подсказало, как мне должно поступить, и я опрометью бросился на крышу постоялого двора, в котором нашел приют. К счастью, две крыши по высоте оказались почти одинаковыми. Вернее, крыша горящего дома была немного выше, но то оказалось даже кстати.

– Всем дамам немедленно раздеться! – крикнул я громовым голосом, чем вызвал замешательство среди несчастных. – Это ваш единственный способ остаться в живых! – добавил я. – Немедленно обнажайтесь донага, и я гарантирую вам спасение.

После таких моих слов среди дам началось движение – полетели вниз соболиные меха, бархатные наряды и более интимные детали дамских туалетов. Я тоже не терял времени даром – стащил с себя наскоро натянутые штаны и обнажил мое орудие, которое в присутствии столь многочисленных прелестей на соседней крыше заволновалось и пришло в движение. Я же сел на край крыши, свесив ноги вниз и лицом к терпящим бедствие. Я поедал глазами обнаженные тела, а восстание моей плоти продолжалось, и вскоре я, к радости несчастных, уже мог достать ею до края соседней крыши. Мое естество легло аккуратно в водосточную выемку, где его тут же для вящей надежности ухватили нежные женские руки.

– По одной зараз! – крикнул я, и сразу же обнаженные ягодицы первой из дам, которой, как я узнал впоследствии, оказалась супруга градоначальника, коснулись моего твердого, как гранит, естества и заскользили вниз – вот тут-то и пришлась кстати разность в высоте крыш. Милая дама через мгновение уже была в моих объятиях, но у меня хватило времени лишь на то, чтобы поцеловать ей ручку, оттолкнуть подале от края и крикнуть: – Следующая!

И снова атласная кожа соблазнительных ягодиц прижалась к моей плоти и заскользила ко мне.

Мне приходилось преодолевать себя, чтобы не впасть в соблазн и не уединиться с одной из этих прелестниц в моем номере.

Раз за разом принимал я на своей стороне спасенных дам, целовал их испачканные сажей ручки и посылал к чердачному окну. Принимая очередную даму, я отвлекся, и в этот момент

почувствовал прикосновение к моему естеству на той стороне чего-то непохожего на прежние нежные касания филейной спелости моих подопечных.

Бросив взгляд на соседнюю крышу, я увидел, что дам там боле не осталось, но по проторенному ими пути готовы двинуться особы мужеского пола.

Не могу сказать, что я желал им зла, напротив, я был бы рад участвовать в их спасении, но трудно бороться с природой – в отсутствии естественного возбудителя мое орудие обмякло, и несчастный, уже готовый отпраздновать свое чудесное спасение, свалился с крыши на твердые камни и остался там лежать недвижим.

Я не стал дожидаться дальнейшего развития событий на крыше – исход был ясен, – и поспешил следом за дамами, которые шумной стайкой толпились в коридоре, прикрывая руками срамные места...

Нет, не стану описывать того, что случилось после. Вернее, того, чего *не* случилось. Не буду говорить о постигшем меня разочаровании. Все дамы были чрезмерно возбуждены, и радость спасения, с одной стороны, а с другой, волнение за несчастных мужей, оставшихся на крыше, не допустили развития ситуации в том естественном ключе, в котором она развилась бы, не будь сих отягчающих обстоятельств (ох, не случайно сорвался с моих уст сей судебный термин). Правда, к счастью, тут прибежали люди с высокими лестницами, по которым все остававшиеся на крыше горящего дома были безопасно спущены на землю, где смогли присоединиться к своим женам, уже успевшим к этому времени облачиться в свои бархатные наряды и меха.

Я же, чувствуя ненужность в этом празднестве, удалился в свой номер в надежде выспаться и с утра пораньше отправиться в путь, который, как я правильно предполагал, займет у меня немалое время.

И действительно, после всех трудов я уснул как убитый и проснулся позднее, чем собирался, – на улице было уже светло, и я давно должен был бы находиться уже в пути.

Однако судьба распорядилась иначе.

Не успел я одеться, как ко мне в номер, даже не постучав, ворвались солдаты, которые без лишних слов и малейшего сопротивления с моей стороны (кое, как я справедливо полагал, было бесполезно и лишь ухудшило бы мое положение) скрутили меня и повели прочь.

– Куда? – вопрошал я своих молчаливых конвоиров, но те не удостоивали меня ответом.

Однако вскоре это выяснилось.

Отвели меня к полицмейстеру, который в одном лице являл собой и городского судию. Тот окинул меня невидящим взглядом и проговорил:

– Подсудимый, вы, – он оглядел мое платье, – будучи лицом немецкой национальности, – (что, видимо, усугубляло мою еще неведомую мне вину), – совершили преступление в виде смертоубийства подданного Ее императорского величества, дворянина и отставного капитана гвардии Петра Рукосуева.

– Позвольте... – сказал было я, но меня тут же остановили:

– Молчать, когда вас не спрашивают! Суд не находит законных оснований для предоставления вам слова! Свидетели, показывайте...

Толпа свидетелей, в которых я теперь с недоумением начал узнавать вчерашних страдальцев, чуть не ставших жертвами пожара, загудела в один голос:

– Он – убийца! Настоящий убийца и есть – сбросил, немчура проклятая, нашего Петрушу с крыши, а тот лбом прямо об камень. Судить его!

– Суду ясен состав преступления, – проговорил полицмейстер. – Подсудимый, вам есть что сказать в свое оправдание?

– Ваша честь... – начал было я, но был тут же прерван:

– Молчать, когда я вас спрашиваю! Суд не находит законных оснований для оправдания. Ваши оправдания бесполезны и лживы. Нашим милостивым судом именем Ее величества императрицы обвиняемый приговаривается к двадцати годам каторги. Заковать его в железа и отправить по этапу.

– Извольте только известить герцога! – в отчаянии прокричал я.

Судья смерил меня взглядом.

– Какого такого герцога?

– Его милость герцога Антона Ульриха Брауншвейгского, жениха Анны Леопольдовны, объявленной наследницей императрицы.

Последовала пауза.

– Кто здесь посмел назвать имя Его милости герцога? – севшим голосом проговорил наконец судья.

– Это я, ваша честь, Иероним Карл Фридрих барон фон Мюнхгаузен. Я следую в Петербург по срочному вызову Его милости герцога, о чем имею надлежащие бумаги.

Последовала еще одна пауза. Наконец судья произнес еще одну речь:

– Ввиду вновь открывшихся обстоятельств суд постановляет признать барона фон Мюнхгаузена невиновным, свидетелей подвергнуть штрафу, пожарных выпороть и впредь проводить всякого рода ассамблеи лишь при свете дня, дабы не подвергать опасности огня здания, а людей – гибели.

Судья шарахнул судейским молотком по столу, давая знать, что суд закончен. Потом он обратился ко мне, натянув на лицо самую любезную из возможных на нем улыбок.

– А вам, милейший барон, я выпишу подорожную, чтобы вы беспрепятственно добрались до пункта назначения. Кроме того, я приглашаю вас, нашего дорогого гостя, сегодня вечером на ассамблею, которую мы соберем в вашу честь и во славу императрицы и Ее наследников.

Я поблагодарил полицмейстера-судью за подорожную, но от приглашения отказался под тем предлогом, что спешу и, хотя и был бы рад провести время в столь благородном обществе, но должен немедленно седлать коня.

На сем мы расстались, вполне довольные друг другом, и я и в самом деле поспешил в путь, даже не догадываясь, как со временем отзовутся мои подвиги в этом городе.

С годами я узнал, что ни одно деяние не проходит бесследно, доброе ли, злое ли – оно возвращается к нам подчас самым неожиданным образом. Но об этом у меня еще будет случай рассказать тебе, мой терпеливый читатель. А пока в путь.

Философ во власти

Я скакал без передышки три дня, и лишь на четвертый на горизонте появился городок, при виде которого я стал еще пуще погонять коня и вскоре оказался на городской окраине, где при виде первого же городского попросил проводить меня к градоначальнику. Памятуя о неприятных событиях, в результате которых я чуть не оказался на каторге, я решил немедленно по прибытии представляться властям, дабы избежать подобных казусов в будущем.

Подорожная и письмо герцога возымели нужное действие, и я был принят градоначальником, молодым еще человеком невысокого росточка, но с повадками римского патриция. Он принял меня в своем громадном кабинете, где у него был специальный стул с высоким сиденьем. Чтобы усесться на него, градоначальник ловко запрыгивал на ступеньку высотой около фута, а уже с нее не менее ловко перебирался на высокий стул, сидя на котором он казался ничуть не ниже меня, а я ростом, как мне потом говорили многие, почти не уступал самому Петру Алексеевичу, императору российскому, почившему в бозе за тринадцать лет до моего прибытия в Петербург.

Градоначальник хоть и был ростом мал, но во всем остальном удал. Правда, его чрезмерная склонность к философствованиям сразу же отвратила меня от этого в остальном благороднейшего человека. Мы, Мюнхгаузен, вояки, нам испокон веков был мил звон мечей, а не речей. Но я из долга вежливости выслушивал рассуждения низкорослого градоначальника.

– *Истина есть та же ложь, только вывернутая наизнанку*, – сообщил он, заглядывая мне в глаза и явно ожидая моей реакции. Но мне нечего было ответить на это. – И точно так же можно утверждать, что *ложь есть вывернутая наизнанку истина*, – добавил он.

Он был явно доволен собой, потому что, соскочив со своего стула, он важно обошел два круга по комнате, заложив руки за спину и задумчиво задрав голову, после чего в два прыжка снова уселся на свой стул и, подперев подбородок согнутым в крючок указательным пальцем, взыскующе уставился на меня. Но я по-прежнему молчал, ожидая, когда разговор перейдет на любезные моему сердцу темы кавалерийской атаки или тактики осады замков. Однако вместо этого градоначальник разразился очередной мудростью:

– *Свобода есть наиболее рабское состояние души и тела*. – Глаза его загорелись, видно было, что сия мысль была одним из любимейших его коньков, что он и подтвердил, начав распространяться на эту тему.

Из его рассуждений выходило, что свободный крестьянин вынужден заботиться о хлебе насущном, тогда как тот же крестьянин, пребывающий в рабстве, свободен от этих забот, ибо все их берет на себя его хозяин.

Я едва сдерживал зевоту, но градоначальник не унимался:

– Я бы хотел с вами обсудить судьбы Российской империи в свете реформ, предпринятых Петром Алексеевичем и его достойнейшей племянницей и продолжательницей императрицей Анной Иоанновной.

На это я ответил, что не в моих правилах обсуждать судьбы того, на что я не могу влиять, к тому же предмет этот мне малознаком.

– Поверьте, мой дорогой, – доверительно придвинувшись, признался мне градоначальник, – с предметом сим я тоже знаком поверхностно и, как и вы, не имею на него ни малейшего влияния, о чем говорю, не испытывая никакого ущемления самолюбия, поскольку претендовать на какое-то влияние при живой императрице было бы по меньшей мере глупо. *Но дабы не получить умственных пролежней, мы должны мыслить каждодневно*.

Я вежливо прикрыл рот рукой, чтобы мой хозяин не заметил зевоту, которая так распахнула мой рот.

В это время за окном чирикнула птичка, почуяв, что не за горами весна, и градоначальник, задумавшись на мгновение, окунул гусиное перо в чернильницу и что-то быстро начертил на листе бумаги. Потом, посмотрев на меня одухотворенным взглядом, но со снисходительностью Сократа, наставляющего нерадивого ученика, проговорил:

– *Чирикать лучше, чем не чирикать.*

Разговор наш продолжался в таком духе еще часа три, пока мой гостеприимный хозяин наконец не заметил мою усталость и не предложил мне отправиться на покой.

Я искренне поблагодарил его и извещил, что завтра же с утра должен буду, к сожалению, отправиться в путь – неотложные дела ждут меня в Петербурге.

Услышав это, он сказал:

– Хочу предупредить вас, мой любезный друг... Следующий на вашем пути – губернский город N., и губернатором там вот уже тридцать лет состоит благороднейший из россиян... – Он улыбнулся. – Что греха таить, мы все не ангелы и, если видим, что где-то что-то плохо лежит, не забываем о своих малых нуждах. Но у него лежит плохо *все*.

Я вопросительно посмотрел на градоначальника.

– Понимаете, мой любезный друг, он действительно украл все, проявив выдающиеся способности на этом поприще. Желаю вам спокойной ночи.

С этими словами он удалился, а в комнате появился лакей, который отвел меня в отведенные мне покои.

Украденный город

Следующим утром, как только забрезжил рассвет, я был уже в седле. Путь мой лежал через губернский город N., о котором меня предупреждал малорослый градоначальник, хотя смысл его предупреждения оставался для меня пока туманным. Однако вскоре я вполне понял, что тот имел в виду, когда из свойственной ему деликатности выразился на сей счет столь неопределенно.

Что меня ждало в славном городе N. и к чему мне следовало готовиться, стало ясно лишь на ближних подступах к городу.

На утро седьмого дня безостановочной скачки (читатель уже осведомлен о бескрайности российских просторов) я увидел то, что, видимо, и должно было являться городом N., потому что никаких других городов в этом месте на карте, по коей я ориентировался, не значилось.

Очертания города на горизонте имели довольно странный вид, поскольку, если меня не обманывали глаза, весь город, несмотря на свой губернский статус, состоял из двух-трех сооружений, впрочем, довольно внушительных.

Когда к середине дня я приблизился к городу настолько, что мог с уверенностью сказать: нет, мои зоркие глаза меня не обманывают, я уже был абсолютно уверен, что город и в самом деле состоит из двух зданий, одно из которых было величественным храмом, какому могла бы позавидовать любая европейская столица, а другое – не менее величественным домом со всевозможными хозяйственными пристройками, оказавшимся домом местного губернатора, исполнявшего также функции градоначальника.

Не знаю насчет всей губернии, но начальствование в таком городе показалось мне занятием курьезнейшим, поскольку городок этот поражал меня полным отсутствием чего бы то ни было, если не считать уже упомянутых мною дома самого городского головы и громадного храма напротив. В остальном же здесь не было ничего – ни каких бы то ни было зданий, ни дорог, ни фонарных столбов, ни даже будок для караульных. Недаром голова города, в котором я останавливался неделей ранее, сияя обворожительной улыбкой, поведал мне, что хотя и сам он не без греха и если что под руку попадет, то не преминет прибрать, то соседний градоначальник украл все, что можно, и теперь присматривается к владениям соседей. Теперь я понял, что слова его нужно было понимать в буквальном смысле: местная власть и в самом деле украла *все*, причем сделала это с такой ловкостью, что и следа похищенного не осталось.

Я предъявил градоначальнику документы и представился как знатный иностранный путешественник, барон, спешащий в Петербург, но по пути желающий повидать местные достопримечательности.

Городской голова был невысок, крепкого сложения и абсолютно плешив – принимал он меня в домашней обстановке, без парика, но тем не менее я не имел возможности лицезреть эту совершенно голую голову (о том, что она гола я узнал, когда градоначальник снял на мгновение свой картуз, с которым не расставался, видимо, даже в постели, и я в залоснившейся в пламени свечей лысине увидел свое собственное отражение. Сей градоначальник тоже был невелик ростом, а поскольку меня Господь статью не обидел, я смотрел на моего хозяина сверху вниз, и факт его плешивости не остался мною незамеченным).

Градоначальник рассыпался передо мной в улыбках и вежливостях, однако стол к позднему обеду – до которого мне пришлось еще выслушать его рассуждения на разные темы и совершить экскурсию по обширному хозяйству, – накрыл довольно скудный, заставив меня призадуматься: то ли хозяева при всем своем богатстве (а дом поражал роскошествами) и себе отказывают в еде, то ли хотят сэкономить на госте.

Бела все это хозяйство его жена, а сам он, как он сообщил мне, улыбаясь от уха до уха, питает склонность лишь к пчеловодству, и кабы не служебные обязанности, с пасеки бы не выходил.

Жена его и в самом деле заправляла хозяйством – огромная, как бегемот (сей африканский зверь был мне знаком по изображениям, кои я видел, разглядывая иллюстрированные фолианты в библиотеке герцога Брауншвейгского), она тяжело шагала по дому, каждым своим шагом грозя проломить пол и провалиться под землю. Дворня спешила угодить хозяйке и опрометью бросалась исполнять все ее распоряжения. Впрочем, дело тут, наверно, было не в самом желании угодить, а в страхе, который они испытывали перед этим грозным управителем в юбке.

Прежде чем налить мне перед обедом по русскому обычаю чарку горькой, хозяин вдруг посерьезнел и спросил меня, не англичанин ли я часом. Я его заверил, что мы, Мюнхгаузен, исходим из Нижней Саксонии и в Англии никто из нас отродясь не бывал.

На лице градоначальника появилась гримаса облегчения – именно гримаса, потому что у него было очень странное лицо, похожее на ожившую оладью.

Я поинтересовался, чем был вызван его вопрос. Он ответил, что сызмальства терпеть не может англичан. Что ихняя, мол, королева Лизаветка отказала царю-батюшке Иоанну Васильевичу, когда тот, сердешный, снизошел до нее, сделав ей предложение руки и сердца. Она на седьмом небе должна была быть от счастья – такую честь ей оказали, а она, мол, свою аглицкую спесь напоказ выставила. Не пойду, сказала, за царя русского, мне и так хорошо. И хотя с тех пор уже минуло полтора века, но он, градоначальник, до сего дня не может простить этого англичанам и до конца своих дней (который, впрочем, благодаря крепости его здоровья и духа в ближайшие годы никак не предвидится) будет питать сие чувство к неблагодарному народу островитян, проявившему такое небрежение к великому государю, да воздастся им за это полной мерой.

(Возвращаясь назад, скажу, что когда градоначальник проводил меня по своему громадному дому, более всего мне запомнилось обилие портретов Ивана Васильевича, к коему градоначальник, видимо, действительно питал искреннюю любовь и почтение. Я увидел изображения Ивана Васильевича при посадении на кол десятков его супротивников, при отсечении голов непокорным боярам, при сожжении проигравших битву воевод, при колесовании высокомерных европейских послов... и так далее без числа, поскольку не было числа и комнатам в доме.

Сей русский царь, как мне поведал градоначальник, был исторической персоной весьма результативною и немало содействовал укреплению государства Российского, для чего и извел большое число своих подданных, кои противились новым веяниям и плели многочисленные заговоры против законного властителя и божьего помазанника.

Во время повествования градоначальник так разволновался, что даже стянул с себя картуз – именно тогда я и узрел его непомерную зеркальную лысину, – и тут из его правого уха вылетела пчелка, описала круг над его головой и исчезла в левом, после чего он поспешил натянуть картуз обратно и более уже при мне с ним не расставался.)

Хотя у градоначальника и был большой счет к Англии и неиссякаемая любовь к Ивану Васильевичу, но вскоре он перешел на другие темы.

– Мы – народ православный, – говорил он, – нам нужны храмы, мы построим в городе еще десятки храмов, чтобы народ молился за императрицу нашу и за Ее наследников, поскольку так уж устроена русская душа.

Я согласно кивал, чувствуя, что желудок у меня уже начинает бунтовать. Но градоначальник сказал, что хочет показать мне еще свою пасеку – может, я буду покупать его мед в целях расширения торговли между Российской империей и Нижней Саксонией и ради взаимной выгоды.

Я поплелся за градоначальником – тот шел впереди, а я поотстал на десяток шагов, и тут в одном из темных коридоров открылась дверь и чья-то цепкая рука затащила меня в комнату. Ко мне прижалось громадное жаркое тело, и голос шепнул в ухо: «Я приду в твою комнату сегодня в полночь. Жди». После чего рука вытолкнула меня назад в коридор – и как раз вовремя, потому что градоначальник в этот момент повернулся и проговорил: «Не потеряйтесь тут в наших лабиринтах».

Как вы уже догадались, рука и жаркое тело принадлежали супруге градоначальника, чьи слоноподобные формы были мне отнюдь не по сердцу, отчего перспектива провести с нею ночь вызвала у меня оторопь и озноб.

За скудным обедом градоначальница подмигивала мне тем глазом, который не виден был ее супругу, и вообще выглядела не в меру возбужденной и общительной. Она умудрялась под столом доставать своею ногою до моей и в то же время улыбаться супругу, уныло размазывавшему ложкой по тарелке тыквенную кашу с медом, которая, несмотря на мой пустой желудок, никак не лезла мне в рот.

Мы выпили еще по чарке горькой за здоровье Ее величества дражайшей императрицы Анны Иоанновны, после чего губернатора сморил сон, и он начал похрапывать прямо за столом. Голова его свесилась на грудь, картуз сбился набок. Его супруга улыбнулась мне, подмигнула обоими глазами, а затем принялась будить градоначальника.

– Ты устал, мой любезный супруг, – ворковала она. – Дела государственные – тяжелое бремя. Тем паче для человека в твоих летах. Федька проводит тебя в опочивальню. Эй, Федька, – крикнула она, и в комнату тут же вбежал лакей, который помог хозяину подняться со стула и повел его прочь из залы.

Мы остались вдвоем, и у меня от тоски и безысходности сжалось сердце. А градоначальница, плотоядно поглядывая на меня, принялась еще настойчивее тереться своею ногой обою. Однако если она рассчитывала распалить меня этим, то эффекта добились противоположного. Мой мозг судорожно искал выход из создавшегося положения. Выход, однако, нашелся всего лишь один, и я, несмотря на приближающуюся ночь, был готов им воспользоваться.

Извинившись перед хозяйкой, я сказал, что с сожалением вынужден покинуть ее на некоторое время по причинам нужды, о которой за столом не говорят. После чего, натянув на лицо фальшивую улыбку, я удалился из залы и поспешил вниз в конюшню, предполагая быстро оседлать моего скакуна и немедленно отправиться в путь.

Каково же было мое разочарование, когда я увидел пустое стойло, куда я собственными руками завел сегодня днем моего не знающего усталости коня. Не было видно и конюха, хотя я несколько раз и позвал его громким требовательным голосом. В конечном счете мне пришлось отказаться от моего отчаянного плана и за неимением лучшего вернуться в залу, где на своем месте восседала хозяйка сего дома. На лице ее гуляла блудливая улыбка.

– Изволили проведать боевого коня? – спросила она.

– Да, видите ли, привычка – я забочусь о нем, а он выручает меня.

– Пойду и я проведу своего коня – он у меня к старости совсем скакать перестал. Его все больше в сон клонит. А мне другое нужно, – сказала она, в очередной раз подмигнув мне. – Федька проводит тебя в отведенную опочивальню. Только ты смотри – не усни. Все равно приду разбужу.

Не буду посвящать читателя в подробности этой ночи. Скажу лишь, что далась она мне нелегко. Чтобы добиться хоть какого-то результата, мне приходилось представлять перед собой всевозможных прелестниц, с которыми сталкивала меня жизнь, – без них градоначальница ушла бы из моей постели не солоно хлебавши, как уходила из постели своего супруга.

Впрочем, в конечном счете я уехал из города N., исполнившись самых теплых чувств к градоначальнице, вернувшей мне за ночные труды моего коня (который, как уже понял догадливый читатель, был украден, как и все, что кралось в этом городе), и я, размышляя о непости-

жимой русской душе, поскакал дальше – меня ждал Петербург, до которого со мной, впрочем, случилось еще немало приключений, достойных того, чтобы я вспомнил о них в этих мемуарах.

Восстановление справедливости

Путь до следующего города был неблизкий, и я то дремал в седле, положась на моего верного четвероногого друга, то скакал во весь опор. Но, так или иначе, новая остановка случилась у меня лишь через неделю. Да и то не в городе, а в поместье, вокруг которого раскинулось село с крепостными крестьянами.

Принимал меня там радушный хозяин – помещик лет шестидесяти, убеленный сединами и с громадным лбом, выдававшим в нем незаурядного мыслителя, коими оказалась так богата Россия.

Но до того поместья оставалась еще неделя пути, и я, покачиваясь в седле, предавался размышлениям о своем будущем, которое пока было темно для меня. Да, я знал, что меня ждет Его милость герцог Антон Ульрих, но какова будет моя карьера, каких высот смогу я достичь на новой службе, какие приключения и сражения мне предстоят – обо всем этом я даже догадываться не мог, хотя уже тогда чувствовал, что ведет меня сама судьба, говорить о намерениях которой пока не настало время...

Теперь, в 1796 году я уже твердо знаю это: да, меня вела судьба, счастливая или несчастливая – не мне об этом судить. Пусть решают потомки. Но бесспорно одно: иначе как великой ее не назовешь, хотя ее и пытались принизить некие темные личности, вознамерившиеся отравить мне жизнь. Но нас, Мюнхгаузен, никто не смог и не сможет сломить – ни враг на поле кровавой битвы, ни подлый писака!

Ах, до чего же они лживы и смешны! Но при всей своей лживости даже солгать-то толком не умеют. Ну зачем им, скажите на милость, понадобилось умалять мои подвиги смешной и нелепой историей о том, как я будто бы вытащил себя вместе с конем из болота за волосы? И нашлись же такие, кто поверил этому вранью! Кому может прийти в голову тащить себя откуда бы то ни было за волосы?! Попробуйте – у вас быстро пропадет охота! Волосы – материя тонкая. И болезненная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.